

Я с вами и не с вами

Кузьбурга-1998-28 мая-3 июня

В мастерской Анатолия Никича

Только увидев собственными глазами это, в общем-то, вполне нормальное и привычное обозначение художника — Анатолий Никич, — поняла, насколько непривычно для меня такое словосочетание применительно к Никичу. Может быть, надо было написать так, как говорили всегда, — «мастерская Анатолия Юрьевича» или «А.Ю.», но той мастерской, где пили чай и разговаривали, больше нет. Но, когда я была еще студенткой, нас учили так: все, что мы поместили на холст или бумагу, любой эскиз начинает существовать в какой-то другой реальности. И пространство мастерской продолжает теперь уже в окончательном, завершенном виде существовать в неизвестном измерении.

Почему-то, пока ходила по выставке, все время вспоминала один из «Ста сонетов о любви» Пабло Неруды — из цикла «Ночь»:

...Живи в моем отсутствии,
как в доме.
Огромна эта дом —
отсутствие мое,
В него сквозь стены
можешь ты войти
и в воздухе
развешивать картины.

В ту мастерскую можно было прийти, но только после работы, и всегда существовала неразрешимая проблема: световой день — для работы, но и смотреть тоже надо при дневном свете. Значит, как-нибудь в конце, когда кисти вымыты и незаконченная работа стоит лицом к стене. А законченные Никич ставил по одной на мольберт, и многое из того, что было на выставке в ЦДХ, я и сейчас помню и слышу, совершенно реально слышу рассказы Анатолия Юрьевича. Он упорительно рассказывал про своих натурщиц, очень смешно, но без насмешки, называл их — «барышни».

Но все эти разговоры, истории оставались где-то там, в другом пространстве, за рамой. А в этом, ограниченном линиями и плоскостью холста подрамника, рождался законченный, выстроенный мир. Теперь уже толком не знаю, вбивали нам это в голову или у меня почему-то сложилось такое ощущение, но вроде бы «лучше» и «правильнее» был импрессионизм, остановленное мгновение. Это живая жизнь, и она прекрасна, но то, что на холсте, никогда не будет так прекрасно, как в действительности. А этот мир существует по собственным законам, и он не подражает внешнему. Мир мастерской Никича отгорожен от внешнего мира, но мне он никогда не казался замкнутым, тесным, ограниченным, там всегда хватало воздуха. Собственно говоря, только прочитав в статье Якимовича, что Никич никогда не пишет окна, законный пейзаж, я это заметила и осознала. Действительно, все разворачивается

на фоне стен, и если в поле нашего зрения попадает зеркало, то и в нем отражаются те же стены. И если для Никича существует нечто за пределами этих стен, то оно входит в картину уже преображенным, осмысленным, материализованным воспоминанием — рисунок, фотография, открытка. Композиция иногда почти повторяет старинные обманки — «Красная полка», например, или «Кружка и рисунок в раме», но тем заметнее разница. Не только в манере письма — Никич, кажется, последний русский сезаннист, хотя вообще-то не хочется к нему приклеивать ярлыки, даже такие приятные. Но обманка легко вписывается в интерьер, притворяясь, будто она из этого, потустороннего мира. Картины Никича — окна в другой, его собственный мир, тот самый созданный им мир его мастерской, где, наверное, и была — и есть — его настоящая жизнь.

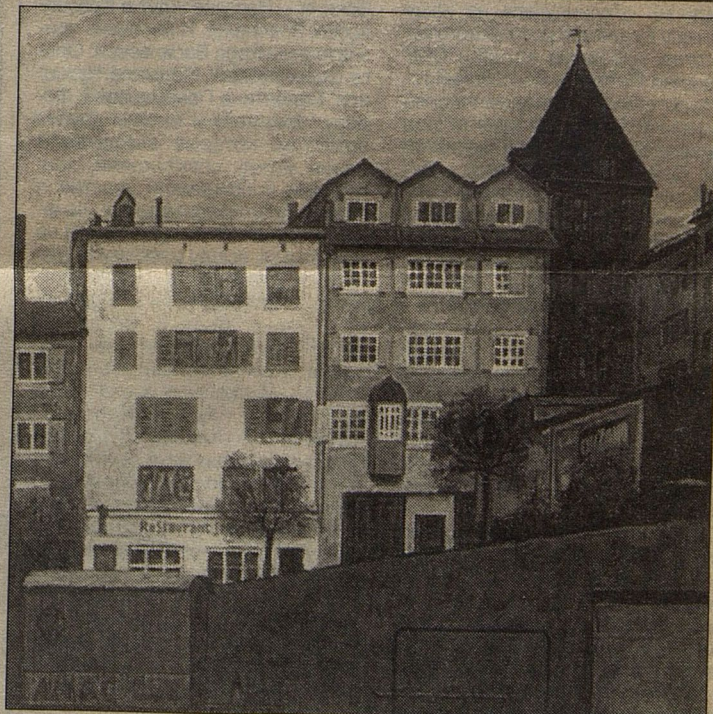
Картины Никича, конечно же, были на всех крупных выставках, но последняя его персональная выставка в Москве состоялась тридцать лет назад на Кузнецком. Я ее, конечно, не помню, мелкая была. Но почти все любимые вещи все равно написаны позже — в семидесятые, восьмидесятые, девяностые. И впервые собраны вместе так, что можно увидеть их одновременно. Хотя, кажется, чуть ли не каждый, кто выступал на вернисаже, говорил о том, как многого здесь не хватает, сколько еще работ не вошло в экспозицию. Я потом даже взяла с полки старый, семьдесят первого года альбом. Он тоже, кстати, назывался «В мастерской художника». И тогда заметила, как изменились картины Никича за эти тридцать лет. У него не было резко разграниченных периодов, и вроде бы он всю жизнь писал одно и то же — рамы, полки, цветочные горшки, ткани, — постоянно возвращаясь к одному и тому же мотиву. Но со временем все явственнее видно, что мир этот создан художником, все меньше случайного, мимолетного, и все яснее становится то, что сложно и отвлеченно объясняли философы, и то, о чем говорится в древнейших мифах: жизнь возникает тогда, когда хаос преобразуется в порядок, дух проявляется через форму. «В своем творчестве я вижу не столько принцип иррациональности, сколько страстное желание гармонии, которая рождается как некое внутреннее состояние в системе ритмов, в системе возникающих, непрерывно меняющихся повторов одного и того же мотива».

Мне не хотелось бы, чтобы из всего написанного возник образ холодного, строгого мастера, творящего в башне из слоновой кости. Анатолий Юрьевич был нормальным живым человеком,

на моей памяти — уже патриархом (по возрасту и положению, а не по манере поведения) огромного клана Никичей. И не случайно выставка получилась такой неофициальной, умной и теплой — чего стоят одни только горшочки фиалок вместо привычных композиций от известной фирмы — «концепция и организация», как это сказано в каталоге, — дело рук Георгия Никича, при участии Оскара Никича и Иннокентия Никича: сыновья и внук. И потому так сильно, наверное, было ощущение, что Анатолий Юрьевич тоже где-то здесь, просто вышел в другой зал. Мне всегда такие вещи казались преувеличением и литературным приемом, но оказалось, что так бывает, и в этой

мастерской он будет всегда. «Вы слышите мой голос, он доходит до вас. Это так естественно. Я просто буду дольше существовать. Оказывается, можно нажать кнопку диктофона, и я снова возвращаюсь к вам из небытия, из мира, в котором существует только «нет». И вот чудо: я с вами и не с вами, я далеко. Вы читаете мои мысли, мои рассказы о прошлом и настоящем, о людях, которых я знал, любил или не любил...» И вот другое чудо: мы снова входим в мастерскую, которую он любил, снова оказываемся в этом мире, и пока мы способны воспринимать, разговор не закончен.

Александра
ВАСИЛЬКОВА

Вверху: «Ветки с барельефом». 1988 г.
Внизу: «Дрезден. Шпигельштрассе». 1970 г.